

УДК 94(470.323)''1943–1953'':271.2

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВОМ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1953 ГОДАХ

Д. Ю. Макарова

Курский государственный университет, 305000, Курск, ул. Радищева, 33
veter-s-gor@yandex.ru

Исследуется положение Русской православной церкви в Курской области после окончания Великой Отечественной войны. Использование разнообразного архивного материала позволяет раскрыть некоторые особенности церковной политики местной советской власти в 1943–1953 гг., ее отношений с правящими архиереями Курско-Белгородской епархии, состояние научно-атеистической пропаганды.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Курско-Белгородская епархия, религиозная политика, атеистическая пропаганда, паломничество.

Хронологические рамки данного исследования соответствуют первому в истории СССР периоду, когда советские власти пошли на диалог с Русской православной церковью (РПЦ), официально признав возможность существования Церкви как социальной организации. В 1943 г. был образован Совет по делам РПЦ, впервые после 1925 г. избран Патриарх Московский и всея Руси. Вскоре же после смерти И. В. Сталина в 1953 г. в религиозной политике произошли новые изменения, во многом ликвидировавшие положительные аспекты сталинского послевоенного курса.

Великая Отечественная война, став испытанием для всего русского народа, привела к возрождению церковной жизни в Советском Союзе. Руководствуясь целым рядом причин как во внешнеполитической сфере, так и во внутренней жизни страны, И. В. Сталин пошел на значительные уступки Русской православной церкви. К концу войны она приобрела некоторые права юридического лица, был избран Патриарх, которым стал Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский). Однако его патриаршее служение длилось недолго. После кончины Сергея в мае 1944 г. участники Поместного собора (31 января – 2 февраля 1945 г.) выбрали Патриархом Московским и всея Руси митрополита Ленинградского Алексия (Симанского).

Пожалуй, самой заметной переменной, которую принесла с собой война в религиозную жизнь оккупированных территорий, стало открытие многих ранее закрытых храмов. Такую политику немецкое руководство проводило для культивирования антисоветских настроений в обществе. Храмы стихийно открывались уже с конца 1941 г., в частности, в Курской области открыли двери для верующих 37 церквей. На начало 1945 г. в области действовали 303 церкви и молитвенных дома (до войны их было всего 3)¹. Сперва этот процесс проходил независимо от руководства СССР, не имевшего возможности контролировать ситуацию на захваченной фашистами территории. Однако и после освобождения западных регионов страны от оккупантов храмы продолжали действовать и были уже официально зарегистрированы, что стало одним из важнейших достижений нового курса сталинской религиозной политики.

Перемены в государственно-церковных отношениях юридически были закреплены в 1943 г. В октябре этого же года для координации связей между руководством страны и Московской патриархией, а также для реализации церковной политики государства был образован специальный орган – Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, во главе которого встал Г. Г. Карпов. На местном уровне представителями совета стали его уполномоченные, в Курской области до 1947 г. эту должность занимал В. Ефремов. С одной стороны, работа совета обеспечивала определенную стабильность отношений органов государственной власти и религиозных объединений; Карпов пресекал грубые действия административного характера со стороны местных властей и уполномоченных, нарушение прав и оскорбление чувств верующих. В то же время совет был призван осуществлять контроль над деятельностью религиозных организаций, что поставило РПЦ в сильную зависимость от него и любых изменений в церковной политике государства.

Одним из важнейших аспектов работы совета уже во время войны стало рассмотрение ходатайств граждан об открытии церквей и вынесение соответствующих решений. Стихийное открытие большого количества храмов было причиной того, что власти попытались ограничить этот процесс, теперь уже в рамках закона. Постановлением СНК от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» определялся сложный многоступенчатый процесс рассмотрения заявлений верующих. До принятия этого постановления, 13 октября, Г. Г. Карпов имел беседу с первым заместителем председателя СНК В. М. Молотовым, в которой тот заявил о необходимости строгого ограничения регистрации молитвенных зданий: «...открыть в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать. Решение же вопроса за правительством» [Поспеловский, 2000, с. 213].

Таким образом, уже в 1944 г. количество переданных верующим молитвенных зданий значительно сократилось. Всего по решению совета за 1944–1946 гг. в Курской области было открыто 32 церкви, хотя в этот период было подано 339 заявлений верующих². Подобная активность православных мирян была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, послевоенное время ознаменовалось значительным распространением религиозности в народе на всей территории СССР, особенно в областях, где во время оккупации свободно открылось множество храмов. Ужасы войны привели к тому, что у людей появилась насущная потребность в заступничестве и помощи Бога. Во-вторых, в Курско-Белгородской епархии были неравномерно распространены церкви и молитвенные дома. Во многих районах было всего по 1-2 церкви, в некоторых – от 8 до 16. Поэтому, несмотря на значительное количество действующих молитвенных зданий, часть территории области оставалась «малоцерковной», откуда и поступало большинство ходатайств об открытии новых храмов. В то же время из отчета уполномоченного совета по Курской области Золотухина за первый квартал 1948 г. видно, что многие приходившие к нему священники жаловались на плохую посещаемость. Даже в городских церквях, где службы совершались каждый день, по будням присутствовало 10–15, иногда 20 человек, в основном стариков³. Очевидно, что вторая ситуация складывалась в местностях с большим числом действующих храмов.

Дополнительным препятствием для предоставления верующим новых молитвенных зданий являлось то, что храмы были заняты под склады, мастерские, разобраны с целью использования материалов, что было весьма распространено в области. Из 211 недействующих по состоянию на 1 июля 1945 г. церквей в 74 находились склады, в 22 – культурные учреждения, 92 были в разрушенном или полуразрушенном состоянии⁴. Случаи освобождения храмов и передачи их общинам верующих были крайне редки. Скорее имел место обратный процесс: председатели колхозов и сельсоветов обращались к уполномоченному с просьбой вернуть им церковные здания, использовавшиеся до войны в хозяйственных и культурных целях. Надо отдать должное уполномоченным совета по Курской области: они не позволяли себе грубых и незаконных действий по отношению к православным объединениям и не отнимали храм, если приход был достаточно большой. В то же время, если здание уже потеряло прежний церковный вид и было малопосещаемым, а причины для его возвращения светским организациям считались весомыми, то церковь могла передаваться им.

Несмотря на скрытую политику государства по ограничению числа храмов, в 1950 г. Курская область занимала первое место по количеству действующих молитвенных зданий среди краев и областей РСФСР, бывших в оккупации: официально было открыто 315 церквей и молитвенных домов. Для сравнения: в соседней Воронежской области числилось 132 храма, а в Орловской – всего 26⁵. Необходимо отметить, что Курская область до середины 1950-х гг. была обширнее, в нее входили многие районы соседних областей. Таким образом, большое число действующих в них церквей было обусловлено в основном двумя факторами: немецко-фашистской оккупацией с осени 1941 по осень 1943 г. и значительной площадью данного региона (в 1944 г. область включала 62 района). В 1954 г. в связи с образованием Белгородской и Липецкой областей из состава Курской им было передано 26 районов [Изменения...], что сократило количество храмов сразу на 104.

Хотя И. В. Сталин изначально притерпелся лавирующей религиозной политики, положительные перемены в церковно-государственных отношениях все же были ощутимы. После победы многие представители духовенства Русской православной церкви получили награды. В частности, 9 священнослужителей Курско-Белгородской епархии были представлены к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Из истории храмов..., 2008, с. 9]. Церковь получила возможность проводить благотворительные акции. Так, по оконча-

нии войны епископ Курский и Белгородский Питирим (Свиридов) обратился к настоятелям церквей и приходским советам с воззванием об усилении патриотической деятельности, о том, чтобы верующие были призваны помогать инвалидам, вдовам и сиротам Великой Отечественной войны, чтобы на эти цели выделялись средства из церковных касс. Сам владыка внес 50 тыс. рублей от Курского свечного завода [Жуков, 2002, с. 259]. По словам уполномоченного В. Ефремова, ни один государственный заем и ни одна вещевая лотерея не остались без соответствующего обращения правящего архиерея к духовенству и верующим⁶. В конце 1945 г. старший инспектор Совета по делам РПЦ В. С. Спиридонов исследовал работу уполномоченного по Курской области и в своем докладе Г. Г. Карпову дал высокую оценку уже архиепископу Питириму: «...работает в области с июня месяца 1943 г., среди духовенства и верующих пользуется достаточным авторитетом и вполне лояльно... относится к мероприятиям советского правительства...; по всем принципиальным вопросам своих мероприятий он стремится побеседовать с Уполномоченным. В делах управления церковью являет твердость и настойчивость...»⁷.

Надо сказать, что во взаимоотношениях церковных общин и государственных структур на местах значительную роль играли личность уполномоченного Совета по делам РПЦ, его отношение к религии и верующим. Кроме того, на положение религиозных организаций влияло взаимное уважение или, наоборот, неприязнь между уполномоченным и правящим архиереем.

Особенностью рассматриваемого этапа жизни церкви в Курской области является частая смена представителей совета и епископов. С 1943 по 1967 г. сменилось три уполномоченных: В. Ефремов (1943–1947), Золотухин (1947–1950) и П. Володин (1950–1967) – и четыре управляющих епархией. С 13 января 1947 г. владыка Питирим был архиепископом Минским и Белорусским, его место на Курско-Белгородской кафедре ненадолго занял архиепископ Алексей (Сергеев), сменивший 3 июня 1948 г. епископом Нестором (Сидорчук), а 27 декабря 1951 г. – епископом Иннокентием (Зельницкий) [Архиереи..., 2004, с. 58–60]. Надо отдать должное курским уполномоченным: никто из них не был воинствующим атеистом, позволяющим себе грубые и агрессивные действия по отношению к православному духовенству и его пастве. Золотухин был даже освобожден от должности уполномоченного за «недопустимую аполитичность в своей работе и сползание с правильной принципиальной линии», за то, что он «объективно встал на сторону церкви»⁸. П. Л. Володин в своей деятельности старался придерживаться общей направленности религиозной политики властей в каждый конкретный период. Поэтому в его работе нашла отражение устойчивая линия на уменьшение количества храмов, что видно из записки Володина секретарю курского обкома ВКП(б) В. И. Тищенко от 19 апреля 1951 г.: «У нас имеется много возможностей к дальнейшему сокращению числа действующих церквей и молитвенных домов, для чего требуется лишь систематическая и кропотливая работа по сбору и оформлению необходимых материалов»⁹. В то же время Володин весьма старательно соблюдал советское законодательство о религии и не допускал администрирования и нарушения прав верующих мирян и священнослужителей. На одной из конференций Совета по делам РПЦ он наряду с несколькими другими уполномоченными удостоился положительных отзывов.

Исходя из изложенного можно сказать, что в сфере взаимоотношений представителей светской власти и служителей РПЦ в Курской области сложилась достаточно благоприятная обстановка. Правящим архиереям в принципе удавалось найти общий язык с уполномоченными Совета по делам РПЦ.

Весьма важным аспектом жизни церкви в любое время являлось функционирование монастырей. Последний период войны, 1944–1945 г., охарактеризовался жесткой политикой местных властей по отношению к монастырям и монашествующим. Для государства же обители представляли большую ценность, являясь одним из основных поставщиков продуктов земледелия и животноводства для голодающей страны. В связи с этим 29 мая 1946 г. Совет министров принял постановление «О православных монастырях», которое определяло правовое и хозяйственное положение монашеских общин РПЦ [Шкаровский, 1999]. Многим обителям были возвращены изъятые ранее земли. В Курске в тот момент действовал один монастырь – Верхне-Троицкий женский, начавший функционировать в марте 1942 г.¹⁰ Часть корпусов обители была занята Обкомом ВКП(б), в храме располагался областной архив¹¹. После принятия указанного постановления В. Ефремов обращался к председателю облисполкома и председателю горсовета с просьбой освободить помещения монастыря, однако безрезультатно. Несмотря на переписку по данному вопро-

су с Советом по делам РПЦ, обитель была закрыта в 1950 г. [Курский край, 2001, с. 239].

Послевоенные перемены были заметны не только во взаимоотношениях РПЦ и руководства страны. Как отмечалось, вторая половина 40-х и начало 50-х гг. ознаменовались ростом религиозных настроений в обществе. По мнению протоиерея Владислава Цыпина, в послевоенные годы число православных верующих в Советском Союзе превышало 50 млн. человек, а количество крещеных достигло 150 млн. [Цыпин, 1997]. Религиозные настроения усилились во всех социальных слоях, не исключая интеллигенции.

Церковный историк Г. Рар в 1954 г., описывая приходскую жизнь в СССР послевоенного времени, отмечал: «Храмы почти всегда бывают переполнены молящимися. По большим праздникам, особенно на Пасху, служба повторяется несколько раз, чтобы всем желающим дать возможность побывать на праздничном богослужении. В такие дни прилегающие к церквям улицы бывают запружены народом настолько, что останавливается или меняет свой маршрут городское движение. По свидетельству эмигрантского священника московской юрисдикции, посетившего Москву в 1946 г., за Великий Пост 1946 г. в одном только кафедральном соборе Богоявления в Елохове в Москве исповедовалось и причащалось более 400.000 человек... Даже в праздники, приходящиеся на рабочие дни, во всех церквях много молящихся, а по воскресеньям бывает и много людей среднего возраста почти всех слоев населения (за исключением привилегированных)» [Рар, 1954, с. 78–79].

Городские церкви не только Москвы, но и региональных центров собирали в послевоенные годы большое количество прихожан. На Пасху в мае 1948 г., по словам уполномоченного по Курской области Золотухина, в 23–24 часа «церкви г. Курска были полны, народа было очень много, почти невозможно было пройти в церковь, кроме того, значительное количество было на улице около церкви, так, например:

В Кафедральном Сергиевском соборе было минимум до 4000 человек, из них человек 400 было на улице.

В Троицкой церкви до 3000–3500 человек.

В Михайловской церкви до 2500.

В Богословской церкви до 1500.

В Введенской церкви до 3000.

В женском монастыре до 350–400.

То же самое и по другим церквам»¹².

Значительное увеличение притока верующих в храмы привело к тому, что доходы церквей неуклонно росли. Это позволило настоятелям всерьез заняться ремонтом церковных зданий сразу после окончания войны. Так, в 1945 г. по 21 благочинному округу Курской области на ремонт церквей было затрачено 4.887.500 руб., причем большую часть этих денег составляют затраты городских церквей: 1 млн. ушел на работы в Нижне-Троицком храме, 735.400 руб. – во Введенской церкви г. Курска¹³.

Одним из положительных результатов смягчения церковно-государственных отношений было возрождение в Курско-Белгородской епархии крестного хода, до революции совершавшегося с Курской Коренной иконой Богородицы «Знамение». Поскольку подлинник святыни был увезен за рубеж во время Гражданской войны, паломничество происходило уже без иконы. К тому же мужской монастырь в Коренной Рождества Богородицы пустыни был давно закрыт, его территорию занимала школа механизации сельского хозяйства, святой источник находился в запустении. Вследствие запрещения массовых религиозных шествий духовенство в ходах не участвовало, однако эти праздничные дни отмечались более торжественными службами в храмах и колокольным звоном по ходу движения верующих. Крестный ход совершался дважды в год – летом, в девятую пятницу после Пасхи, и осенью, 25 сентября. Паломничество возобновилось в 1944 г., в летнем шествии из Курска принимало участие не менее 2 тыс. человек¹⁴. С каждым годом масштабы крестного хода увеличивались, в 1948 г. он собрал около 14 тыс. человек¹⁵. Такое массовое шествие поддерживало приходскую активность в Свободинском, Курском, Золотухинском районах и привлекало паломников из разных областей страны: Белгородской, Орловской, Тульской, Московской, Харьковской¹⁶.

Уполномоченные по делам религии ежегодно извещали Совет по делам РПЦ о составе крестного хода, числе участников, а позже, когда началась всесоюзная кампания по ликвидации

святых мест, и о мерах противодействия организации паломничества.

К 1947 г. изменилось международное положение СССР, в связи с чем ослабела заинтересованность Сталина в Русской православной церкви как инструменте внешней политики. В то же время в партийной среде появились различные оценки нового курса церковной политики, в том числе негативные. Так или иначе, в 1947 г. обнаружилось первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений. Вдвое по сравнению с предыдущим годом уменьшилось количество официально открытых храмов [Шкаровский, 1995, с. 39]. В Курской области впервые с начала войны были закрыты церкви – шесть молитвенных зданий (открыто за год 4 храма) [Курский край, 2001, с. 239]. Основываясь на докладе Карпова Сталину, написанном в июне 1951 г., можно сказать, что уже со второй половины 1948 г. отклонялись все ходатайства верующих об открытии церквей [Поспеловский, 2000, с. 223].

С конца 1940-х гг. в стране происходит массовое переоборудование пустующих храмов в клубы, школы, склады, зернохранилища, церкви разбираются на стройматериалы [Чумаченко, 1999, с. 129]. С 1949 г. запрещены службы вне храмов, освящение куличей и воды на улице, все крестные ходы, кроме Пасхальных, ограничены разъезды священнослужителей по населенным пунктам, совершение треб на дому.

В данный период усилилось внимание властей к составу священнослужителей и членов церковных советов и ревизионных комиссий приходов. Так, в инструктивном письме уполномоченным № 32 от 23 сентября 1948 г. Г. Г. Карпов дает следующие указания, касающиеся регистрации духовенства и связанных с финансово-хозяйственной деятельностью храмов людей: «О всех вновь прибывших... лицах, получивших назначение епископа на приходы, Уполномоченные Совета должны прежде всего запрашивать органы МГБ и МВД и, в случае получения возражений, отказывать в их регистрации.

Особенно осторожно Уполномоченные Совета должны подходить к регистрации лиц, имевших судимость, тщательно проверяя, что это лицо представляет собою в настоящее время и каково его отношение к советской власти и проводимым ею мероприятиям»¹⁷.

В этом же письме Г. Г. Карпов просит уполномоченных в срочном порядке предоставить сведения о том, сколько человек из зарегистрированного духовенства и членов исполнительных органов и ревкомиссий были ранее судимы, сколько священнослужителей пришли на церковную службу, находясь на оккупированной территории¹⁸. Курская область, как подвергшаяся немецкой оккупации, имела в этом отношении ряд особенностей. Несмотря на то что после войны Сталин, пойдя на контакт с РПЦ, позволил открыть восемь духовных семинарий и две академии для обучения будущих священнослужителей, регионы с большим количеством действующих церквей по-прежнему нуждались в кадрах духовенства. В Курско-Белгородской епархии была постоянная нехватка священников, в связи с чем каждый год несколько приходов пустовали и службы там не проводились или проводились крайне редко. Кроме того, многочисленные факты возвращения к церковной службе и получения сана церковнослужителями в период их пребывания на оккупированной территории позволили согласно указанным письмам из Совета по делам РПЦ сокращать количество священников и диаконов и запрещать регистрацию новых лиц. Подобная политика неизменно вела к увеличению числа пустующих церквей, что давало властям вполне законный повод к их закрытию. О значительном ослаблении Курско-Белгородской епархии свидетельствуют следующие данные. Если на 1 января 1949 г. в Курской области числилось 338 священников и 23 диакона (всего 361 человек)¹⁹, то к 1 января 1953 г. эти показатели составили соответственно 278 и 23 (всего 301 человек)²⁰. Что касается действующих приходов, то их количество за указанные четыре года сократилось на 63 [Курский край, 2001, с. 239].

Пытаясь разрешить проблему кадров, епископ Иннокентий в начале 1953 г. предложил уполномоченному совету Володину пересмотреть правила регистрации духовенства: предоставить заштатным священникам возможность служить, не будучи назначенными на приход. Получив отказ, епископ был вынужден возвращать на церковную службу ранее уволенных клириков, в том числе неграмотных и тех, кто скомпрометировал себя пьянством, недостойным поведением²¹.

Охлаждение церковно-государственных отношений в конце 1940-х гг. отразилось и на традиционных паломничествах верующих к святым местам. Письмом от 8 октября 1948 г. совет призывает уполномоченных обратить внимание на это явление, выяснить, как проходят шествия и каково количество участников²². Незадолго до летнего крестного хода 1949 г. в Коренную пустынь

Золотухин отмечал, что, хотя духовенство не участвует в нем, службы в этот день проводятся длинные и торжественные и сопровождаются звоном колоколов. Уполномоченный обсудил данный вопрос с епископом Курским и Белгородским Нестором. Епископ согласился дать указание не звонить в колокола и проводить обычное богослужение²³. А 21 июня 1949 г. временно управляющий Курской епархией епископ Гавриил (владыка Нестор находился в командировке) дал указание «празднество ограничить строго стенами храмов» и не благословлял массового движения по улицам с иконами²⁴. Несмотря на принятые меры, крестный ход состоялся и был многочисленным – до 12 тыс. человек²⁵. Кампания против паломничества вскоре стала проводиться менее активно, и в течение последующего десятилетия верующие активно участвовали в крестных ходах: в некоторые годы собиралось на них до 20 тыс. человек.

В конце 1940-х гг. советское руководство уделяло более пристальное внимание атеистической пропаганде, масштабы которой во время и после войны значительно уменьшилось (понятие «антирелигиозная» или «атеистическая» работа в этот период практически не употреблялось). Главным идеологом страны тогда был секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, решивший сделать акцент на атеистическом воспитании советской молодежи [Алексеев, 1992, с. 201]. Задачи борьбы с религиозными предрассудками были отчасти возложены на «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний “Знание”», учрежденное в июле 1947 г. Увеличился выпуск атеистической литературы: в 1948 г. до 26,7 млн. экземпляров [Гераськин, 2007, с. 58].

В сентябре 1948 г. был разработан проект постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», в котором выносилась однозначно негативная оценка деятельности Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Аппарат Карпова обвинялся в излишней лояльности к церковным организациям, критиковались за пассивность комсомольские организации, средства массовой информации, партийные органы. Как отмечали авторы постановления, «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой. Нельзя успешно решать задачу коммунистического воспитания трудящихся, не ведя борьбы против религиозной идеологии» [Волокитина, 2008, с. 112]. Однако широкая антирелигиозная кампания была приостановлена: Сталин не хотел резко портить отношения с церковью, которая еще представляла для него определенный интерес и не все возможности которой были использованы при решении некоторых задач международного уровня. В 1949 г. во внешней политике СССР важное место заняла борьба за предотвращение новой войны, в которой большую роль стала играть активная миротворческая политика РПЦ. Кроме того, патриархия поддерживала действия советского правительства, осуждала политику противников СССР.

Таким образом, наступление на церковь было сдержано, однако доработанное постановление ЦК, названное «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний», вступило в действие с 1949 г.

Одним из весьма существенных аспектов атеистической пропаганды являлось включение антирелигиозных идей в школьную программу. В приказе министра просвещения РСФСР А. А. Вознесенского от 12 августа 1948 г. отмечалось: «Идейно-политическое воспитание учащихся предполагает также непримиримую борьбу с проникновением в среду школьников пережитков капитализма в сознании людей. Конкретным выражением таких пережитков являются антиобщественное отношение к социалистической собственности, нарушение трудовой дисциплины, индивидуализм, эгоизм, противопоставление личного общественному, религиозные пережитки» [Русская православная церковь..., 2006, с. 253].

Как видно из докладной записки министра МГБ В. С. Абакумова И. В. Сталину от 25 июля 1948 г., деятельность духовенства начала привлекать все более пристальное внимание властей: «Министерство Государственной Безопасности СССР располагает материалами о том, что последнее время церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием. ...

Выявлено значительное количество фактов, когда члены партии и комсомольцы под воздействием церковно-сектантского элемента принимают деятельное участие в богослужениях, религиозных собраниях; отпускают церковные обряды, считая подобные действия своим “частным” делом» [2000-летию Рождества Христова..., 2001, с. 105–107].

Изменение в церковной политике государства нашло отражение и на местном уровне. На заседании бюро Курского обкома ВКП(б) в сентябре 1948 г. обсуждался вопрос об организации лекционной пропаганды отделами культпросветработы. В частности, говорилось о запущенности в сфере научно-просветительской пропаганды: из всех лекций, прочитанных к сентябрю 1948 г., естественнонаучной тематике было посвящено всего 15% их. «Между тем, – отметил заведующий отделом пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) Н. Степаненко, – необходимо, чтобы партийные организации и культурно-просветительные учреждения широко развернули пропаганду естественно-научных знаний, пропаганду материалистического мировоззрения, чтобы лекторы давали марксистское материалистическое объяснение явлений природы... показывали классовую сущность религии и реакционность религиозного мировоззрения... Пропаганда естественно-научных знаний должна быть воинствующей...» [Степаненко, 1948, с. 2].

В газете «Курская правда» появились статьи, посвященные атеистической пропаганде. На страницах прессы нашли отражение недостатки в работе культпросветучреждений, их «крайняя робость и нерешительность»: «Очень мало читается лекций, направленных на разоблачение антинаучной сущности религии, против религиозных предрассудков, обрядов и праздников. Многие лекции на естественно-научные темы носят узко-просветительский характер...» [Александров, 1949, с. 2]. На VI пленуме Курского обкома ВКП(б) обсуждалась проблема низкой квалификации лекторов и культпросветработников: «754 заведующих избами-читальнями и клубами не имеют среднего образования. 773 культпросветработника – вчерашние школьники, не имеющие необходимого жизненного опыта и навыков» [О состоянии..., 1949, с. 2]. В связи с этим нетрудно понять, почему православное духовенство оказывало сильное влияние на население: тяготы войны пошатнули в массовом сознании стереотипы, навязанные антирелигиозной пропагандой, и люди потянулись в храмы, к священникам, предлагавшим совершенно иное миропонимание. Особенно влияла проповедническая деятельность молодых активных священнослужителей, на фоне которых низкоквалифицированные советские лекторы и культурные работники смотрелись малопривлекательно.

Таким образом, начиная с 1947 г. и вплоть до смерти Сталина в церковно-государственных отношениях продолжалась политика постепенного ограничения влияния Церкви, которая в силу разных факторов не приняла агрессивного характера 20–30-х гг. За последние годы пребывания Сталина у власти заметно сократилась численность официально открытых храмов и зарегистрированного духовенства. В Курской области количество церквей и молитвенных домов начало уменьшаться с 1947 г., когда было закрыто сразу 6 церквей (открыто 4). К январю 1953 г. из 325 приходов, существовавших в 1948 г., осталось 262. Был закрыт и единственный в Курске монастырь (Верхне-Троицкий). Такая политика вызвала возмущение православных мирян и клира. По словам уполномоченного П. Л. Володина, «ни один случай изъятия церковных зданий у общин, закрытия и снятия с регистрации церквей и молитвенных домов не обошелся без протестов... со стороны верующих и вызывал многочисленные жалобы, в том числе и в правительственные органы»²⁶.

Несмотря на попытки советской власти ограничить влияние Русской православной церкви на широкие массы, в конце 1940-х – начале 1950-х большое число людей продолжало участвовать в церковных таинствах. Особенно популярны были крещение младенцев и отпевание. По словам некоторых сельских священников того времени, на селе практически все крестили детей, все русское население. В отдельных районах Курской области процент совершения религиозных обрядов был особенно высок. Так, в 1947 г. в Грайвороновском районе крестили 56% всех рожденных за год детей; в Львовском районе этот показатель составлял 58%, в Кривцовском – 60,2, в Свободинском – 61, в Касторенском – 63, в Ново-Оскольском – 70, в Беловском – 71,2, в Тимском – 72, в Корочанском – 107,3, в Курске – 40. Процент отпеваний был несколько меньше, но все же в большинстве районов число их превышало треть от числа умерших²⁷.

Такая религиозная активность имела ряд оснований. В период немецкой оккупации был отменен запрет на религию, более того, религиозность стала активно насаждаться. Большая часть жителей родились и воспитывались еще в дореволюционное время, поэтому они быстро смогли возвратиться в церковь. Кроме того, верующие из районов, не имевших действующих храмов, вынуждены были обращаться за совершением таинств в соседние районы области, что заметно повышало местные показатели.

Посещение церковных служб во время больших праздников также говорило о том, что «религиозные предрассудки» занимали в массовом сознании значительное место. В 1952 г. на пасхальных службах 19 апреля в восьми действующих церквях г. Курска присутствовало более 14 тыс. человек, в том числе много детей школьного возраста и молодежи²⁸.

Таким образом, положение Русской православной церкви и ее отношения с советской властью в послевоенное десятилетие были достаточно противоречивыми. С одной стороны, во время войны произошли существенные изменения в церковной политике И. В. Сталина, приведшие к значительному усилению РПЦ, к увеличению числа приходов и священнослужителей. С другой стороны, относительное благополучие Московской патриархии сопровождалось полным контролем со стороны государственных органов практически всех аспектов церковной жизни. Общесоюзные процессы охватывали взаимоотношения церковных организаций и представителей Совета по делам РПЦ на местах, в частности, в Курской области. Кроме этого, Курско-Белгородская епархия имела ряд особенностей, обусловленных в основном немецкой оккупацией: наличие большого количества действующих церквей и молитвенных домов, их неравномерное распределение по территории области, постоянная нехватка священнослужителей, высокая религиозная активность верующих, выражавшаяся также в участии людей в церковных таинствах.

Изменения во внешнеполитической сфере привели к тому, что И. В. Сталин перестал быть заинтересованным в хороших отношениях с церковью, и ко времени его смерти патриархия потеряла много храмов и утратила определенную стабильность. Курско-Белгородская епархия, несмотря на значительное уменьшение числа действующих молитвенных зданий, все еще была на первом месте по их количеству среди территорий, бывших в оккупации. В Курской области продолжал сохраняться высокий процент религиозной обрядности, проводились массовые крестные ходы. Однако изменение церковной политики советского руководства предвещало эпоху хрущевских гонений на религию и Русскую православную церковь.

Примечания

¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1 – Курский областной комитет коммунистической партии РСФСР (1934–1962, 1964–1991). Оп. 2. Д. 227. Л. 164.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991 – Совет по делам религий при Совете Министров СССР (1943–1991). Оп. 1. Д. 126. Л. 168.

³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5027 – Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (1943–1965 гг.). Оп. 1. Д. 20. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 7.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 643. Л. 55.

⁶ Там же. Д. 63. Л. 125.

⁷ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 5. Л. 10 об.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 602. Л. 46.

⁹ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 9. Л. 33.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 619. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 20. Л. 53.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 151.

¹⁴ Там же. Д. 34. Л. 28.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 229. Л. 1.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 288. Л. 70.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 1. Д. 19. Л. 13.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 71. Л. 27.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 16. Л. 84.

²¹ Там же. Оп. 5. Д. 3. Л. 38–39.

²² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 288. Л. 89.

²³ Там же. Д. 493. Л. 43.

²⁴ Там же. Л. 84–85.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 229. Л. 1.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 36.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 41–42.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 41.

Библиографический список

- 2000-летию Рождества Христова посвящается: Спец. выпуск «Вестника архивиста» / сост. С. Н. Романова. М., 2001.
- Александров А.* В чем вред религии // Курская правда. 1949. 26 февр.
- Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется? (Крит. очерки по истории борьбы с религией в СССР). М., 1992.
- Архиереи Курского края XVII–XX вв.: кратк. биограф. справ. / авт.-сост. А. И. Раздорский. Курск, 2004.
- Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа: Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. М., 2008.
- Гераськин Ю. В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века): моногр. Рязань, 2007.
- Жуков В. И., Беспарточный Б. Д., Черкашин М. Д., Юрковецкий В. И.* История религиозного призрения. М., 2002.
- Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суджанский районы / под ред. В. Л. Богданова, М. М. Литвиновой. Курск, 2008.
- Изменения административно-территориального деления Курской области // Официальный сайт Администрации Курской области [Электронный ресурс]. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=210&mat_id=2361
- Курский край: Научно-популярная серия в 20 т. Курск, 2001. Т. 14: Церковь и государство. Эволюция взаимоотношений.
- О состоянии и мерах улучшения массово-политической и культурной работы на селе // Курская правда. 1949. 30 марта.
- Поспеловский Д. В.* «Осень Святой Руси». Сталин и Церковь: «конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви: докл. на междунар. конф. в Бозе (Италия). Сентябрь 1999 // Церк.-ист. вестн. 2000. № 6, 7.
- Рар Г. (Ветров А.).* Плененная Церковь: очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт н/М, 1954.
- Русская православная церковь в мировой и отечественной истории: матер. науч.-практ. конф., 17–19 мая 2006 г. / отв. ред. Р. В. Кауркин. Н. Новгород, 2006.
- Степаненко Н.* О лекционной пропаганде // Курская правда. 1948. 11 дек.
- Цыпин В.* Русская православная церковь при Святейшем Патриархе Алексии I (Симанском) (1944–1970) // История Русской церкви, 1917–1997. М., 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/tsypin/tsyp08.html>
- Чумаченко Т. А.* Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.
- Шкаровский М. В.* Православие при социализме: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=162884&page=93
- Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.04.2012

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND ITS RELATIONS WITH
THE GOVERNMENT IN KURSK REGION IN 1943–1953**

D. Yu. Makarova

Kursk State University, Radishcheva st., 33, Kursk, Russia 305000
veter-s-gor@yandex.ru

The objective of the article is to investigate the situation in the Russian Orthodox Church in Kursk region after the Great Patriotic war. To be detailed, the work describes main focus of the religious policy of the Soviet government in 1943–1953 and specificity of its implementation in Kursk region.

The research covers the period from 1943 till 1953, when I.V. Stalin began to take into account the Church's interests and recognized the existence of the Russian Orthodox Church as a social institution. In 1943 the government established the Committee for the Affairs of the Russian Orthodox Church, for the first time since 1925 the Patriarch

of Moscow and all Russia was elected. Soon after Stalin's death in 1953 the religious policy was changed and positive aspects of the postwar course were abolished.

The analysis of various archives' information revealed some peculiarities of church's policy of local soviet government in Kursk region in 1943–1953, its relations with the ruling Bishops of Kursk-Belgorod Diocese, condition of scientific-atheistic propaganda. The article investigates both the aspects of Church's existence in Kursk region and big quantity of ministering churches, their uneven distribution over the territory of the Diocese, regular shortage of priests and a high percentage of religious ritualism. The research explains the causes of these peculiarities, exposes specificity of relations between the ruling Bishops of Kursk-Belgorod Diocese and the plenipotentiaries of the Committee for the Affairs of the Russian Orthodox Church. Positive character of these relations favours the maintenance of stable condition of religious institutions in Kursk region.

The part of the work deals with scientific-atheistic propaganda in the end of 1940s.

Key words: the Russian Orthodox Church, Kursk-Belgorod Diocese, religious policy, atheistic propaganda, pilgrimage.

References

- 2000-letiyu Rozhdestva Khristova posvyashchaetsya: Spetsialnyi vypusk «Vestnika arkhivista». Moscow, 2001.
- Aleksandrov A. V chem vred religii // Kurskaya pravda. 1949. 26 Fevralya.
- Alekseev V. A. «Shturm nebes» otmenyaetsya? (Kriticheskie ocherki po istorii borby s religiy v SSSR). Moscow, 1992.
- Arkhierei Kurskogo kraja XVII–XX vv.: Kratkiy biograficheskiy spravochnik / A. I. Razdorskiy. Kursk, 2004.
- Chumachenko T. A. Gosudarstvo, Pravoslavnaya Tserkov, veruyushchie. 1941–1961. Moscow, 1999.
- Geraskin Yu. V. Russkaya pravoslavnaya tserkov, veruyushchie, vlast (konets 30kh – 70e gody XX veka). Ryazan, 2007.
- Iz istorii khramov Kurskoy eparkhii. Oboyanskiy i Sudzhanskiy rayony / ed. by V. L. Bogdanov, M. M. Litvinova. Kursk, 2008.
- Kurskiy kray. Vol. 14. Tserkov i gosudarstvo. Evolyutsiya vzaimootnosheniy. Kursk, 2001.
- O sostoyanii i merakh uluchsheniya massovo-politicheskoy i kulturnoy raboty na sele // Kurskaya pravda. 1949. 30 Marta.
- Official web-site of Kursk Oblast Administration [e-resource]. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=210&mat_id=2361
- Pospelovskiy D. V. «Osen Svyatoy Rusi». Stalin i Tserkov: «konkordat» 1943 i zhizn Tserkvi. Doklad na mezhdunarodnoy konferentsii v Boze (Italiya). September 1999 // Tserkovno-istoricheskiy vestnik. 2000. No. 6, 7.
- Rar Gleb (Vetrov A.). Plenennaya Tserkov. Ocherk razvitiya vzaimootnosheniy mezhdru Tserkovyu i vlastyu v SSSR. Frankfort on the Main, 1954.
- Russkaya pravoslavnaya tserkov v mirovoy i otechestvennoy istorii / ed. by R. V. Kaurkin. Nizhny Novgorod, 2006.
- Shkarovskiy M. V. Pravoslavie pri sotsializme [e-resource]. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=162884&page=93
- Shkarovskiy M. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i Sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 godakh. Ot «peremiriya» k novoy voyne. Saint Petersburg, 1995.
- Stepanenko N. O leksionnoy propagande // Kurskaya pravda. 1948. 11 Dekabrya.
- Tsy-pin V. Istoriya Russkoy tserkvi, 1917–1997 [e-resource]. URL: <http://krotov.info/history/20/tsypin/tsyp08.html>
- Volokitina T. V., Murashko G. P., Noskova A. F. Moskva i Vostochnaya Evropa. Vlast i tserkov v period obshchestvennykh transformatsiy 40–50kh godov XX veka: Ocherki istorii. Moscow, 2008.
- Zhukov V. I., Bespartochniy B. D., Cherkashin M. D., Yurkovetskiy V. I. Istoriya religioznogo prizreniya. Moscow, 2002.